

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
24 September 2019
Russian
Original: English

Комитет по правам человека**Соображения, принятые Комитетом в соответствии
с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола
относительно сообщения № 2716/2016* ** *****

<i>Сообщение представлено:</i>	Эгле Кусайте (представлена адвокатом Эрикой Леонайте и была представлена ранее Юрате Гузевичюте из Института мониторинга прав человека)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Литва
<i>Дата сообщения:</i>	30 октября 2015 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 97 правил процедуры Комитета (ныне правило 92), препровожденное государству-участнику 8 января 2016 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	24 июля 2019 года
<i>Тема сообщения:</i>	сфера применения ограничений на свободу выражения мнений; законы о диффамации
<i>Процедурные вопросы:</i>	злоупотребление правом на представление сообщений; статус жертвы; этот же вопрос
<i>Вопрос существа:</i>	свобода мнений и их свободное выражение
<i>Статья Пакта:</i>	пункт 2 статьи 19
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	1, 2, 3 и пункт 2 а) статьи 5

* Приняты Комитетом на его 126-й сессии (1–26 июля 2019 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Танья Мария Абдо Рочоль, Ариф Балкан, Яд Бен Ашур, Илзе Брандс Кехрис, Гентриан Зюбери, Эрнан Кесада Кабрера, Бамариам Койта, Данкан Лаки Мухумуза, Фотини Пазардзис, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Василька Санцин, Элен Тигруджа, Ахмед Амин Фатхалла, Сюити Фуруя, Кристоф Хейнс, Андреас Циммерман и Юваль Шани. В соответствии с правилом 108 правил процедуры Комитета Марсия В. Дж. Кран в рассмотрении настоящего сообщения не участвовала.

*** К настоящим Соображениям прилагается особое мнение (несогласное) членов Комитета Жозе Мануэла Сантуша Паиша и Яда Бен Ашура.

1 Автор сообщения является Эгле Кусайте, гражданка Литвы 1989 года рождения. Она утверждает, что государство-участник нарушило ее права в соответствии с пунктом 2 статьи 19 Пакта. Факультативный протокол вступил в силу для Литвы 20 февраля 1992 года. Автор представлена адвокатом.

Факты в изложении автора

2.1 В период 2009–2013 годов против автора было возбуждено в Литве три уголовных дела по обвинению в терроризме. В ходе судебного слушания по одному из этих дел 24 марта 2011 года прокурор М. Д. обратился в Вильнюсский окружной суд с ходатайством вынести постановление о предварительном заключении автора сообщения. Во время перерыва в судебном заседании автор дала интервью телевизионному репортеру и сделала следующее замечание в отношении прокуроров, которые в то время занимались ее уголовным делом: «Абсурд, это государство абсурда, прокурор, по моему мнению... совершает преступления... как они могут убивать людей, пусть посмотрят, что они делают с моей тетей, моими близкими... Ю. Л. и М. Д. – преступники».

2.2 29 марта 2011 года прокурор Ю. Л. обратился в прокуратуру Вильнюса с ходатайством начать в отношении автора досудебное расследование в соответствии со статьей 290 Уголовного кодекса. Данная статья предусматривает уголовную ответственность за оскорбление государственного служащего либо лица, выполняющего функции публичного администрирования, при исполнении им своих обязанностей.

2.3 10 апреля 2012 года Вильнюсский участковый суд признал автора виновной по вышеупомянутым обвинениям и наложил уголовный штраф в размере 1 300 литов (примерно 380 евро). 28 июня 2012 года Вильнюсский окружной суд оставил в силе решение суда первой инстанции. 22 января 2013 года Верховный суд Литвы отклонил апелляцию автора сообщения в рамках кассационного производства.

2.4 Автор подала жалобу в Европейский суд по правам человека, который, заседая в составе одного судьи, признал ее неприемлемой 31 октября 2013 года.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что вынесенный ей уголовный приговор за критические заявления в адрес прокуроров, осуществлявших уголовное преследование, явился нарушением ее права на свободу выражения мнений в соответствии с пунктом 2 статьи 19 Пакта.

3.2 Автор утверждает, что статья 290 Уголовного кодекса касается исключительно государственного служащего либо лица, выполняющего функции публичного администрирования, и что в соответствии с национальным законодательством прокуроры не рассматриваются в качестве гражданских служащих¹. В связи с этим автор утверждает, что национальные суды дали чрезмерно широкое толкование статьи 290, которое не соответствует нормам достаточно точного и предсказуемого закона, и поэтому вмешательство в ее права не было предусмотрено законом.

3.3 Кроме того, автор утверждает, что цель ограничения свободы выражения мнений, закрепленного в статье 290, заключается в защите деятельности гражданских служащих или лиц, выполняющих функции публичного администрирования². Она утверждает, что эта цель не совместима ни с одной из законных целей, перечисленных в пункте 3 статьи 19 Пакта. Автор настаивает на том, что «общественный порядок» как допустимое основание для ограничения свободы выражения мнений не должен толковаться широко и что защита деятельности государственных служащих не относится к категории общественного порядка. Она также не согласна с выводом Верховного суда о том, что статья 290 направлена

¹ Пункт 5 (2) статьи 4 Закона «О гражданской службе Литвы» прямо предусматривает, что он не применяется к прокурорам. Деятельность прокуроров регулируется отдельным законом, а именно Законом о прокуратуре.

² Цель этого положения указана в названии главы ХLI Уголовного кодекса Литвы.

на защиту, в частности, чести и достоинства гражданских служащих. Она утверждает, что на защиту достоинства и чести человека на самом деле направлена статья 155 Уголовного кодекса, и поэтому уголовное преследование на основании статьи 155 требует подачи потерпевшим заявления о возбуждении уголовного дела (частное обвинение). Однако возбуждение уголовного дела в соответствии со статьей 290, которая была применена в ее случае, не зависит от наличия у потерпевшего явного желания возбудить уголовное дело против виновного. Даже если это и было бы так, она отмечает, что прокурор М. Д. заявил, что он не почувствовал себя оскорбленным замечаниями автора. По этим причинам не может быть принято и обоснование ее осуждения с точки зрения необходимости защиты чести и достоинства прокурора.

3.4 Автор оспаривает идею о том, что ее осуждение можно обосновать, и заявляет, что в соответствии с замечанием общего порядка № 34 (2011) Комитета о свободе мнений и их выражения любое ограничение свободы выражения мнений должно строго отвечать требованию необходимости и соразмерности. Она утверждает, что статья 290 Уголовного кодекса Литвы не соответствует требованию необходимости, поскольку, вопреки существующей практике Комитета и Европейского суда по правам человека, она гарантирует большую защиту гражданским служащим или лицам, выполняющим функции публичного администрирования, по сравнению с другими лицами³. Автор напоминает, что преступление в виде оскорбления государственного служащего или лица, выполняющего функции публичного администрирования, в соответствии со статьей 290 наказывается лишением свободы на срок до двух лет, тогда как оскорбление в соответствии со статьей 155 карается самое большее лишением свободы на срок до одного года. Это тем более проблематично, что пределы допустимой критики должны быть шире, когда предположительно клеветнические комментарии касаются исключительно действий отдельного лица в его/ее публичном качестве, а не его/ее частных дел. Она утверждает, что ее критика строго ограничивалась стратегией обвинения, которая, по мнению автора, была направлена на оказание давления на нее в связи с проводимым против нее уголовным разбирательством по обвинениям в терроризме.

3.5 Автор далее добавляет, что она произнесла порочащие слова сразу же после того, как ей стало известно о ходатайстве прокурора поместить ее под стражу до суда. Она напоминает, что международные организации неоднократно высказывали свою позицию, согласно которой условия содержания под стражей в Литве равнозначны бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Поскольку она ранее содержалась в тюрьме в течение длительного времени, сама возможность ее повторного заключения под стражу подвергло ее значительному стрессу, спровоцировав на критическое высказывание. В этой связи автор принимает к сведению заявление прокурора М. Д. о том, что он не чувствует себя оскорбленным замечанием автора. Тем не менее, даже если ее заявление можно считать провокационным, она утверждает, что в соответствии с замечанием общего порядка № 34 Комитета свобода выражения мнений также обеспечивает защиту в связи с замечаниями, которые в определенной степени преувеличены или провокационны.

3.6 Что касается вопроса о соразмерности, то она добавляет, что характер и суровость назначенного ей наказания не соответствовали тяжести правонарушения и вреда, предположительно причиненного стороне обвинения, и поэтому были несоразмерны. Автор утверждает, что тот факт, что она была приговорена к уплате штрафа, не смягчил последствий уголовного наказания. Последствия осуждения

³ Автор ссылается, в частности, на *Бодрожич против Сербии и Черногории* (ССПР/С/85/D/1180/2003), пункт 7.2; и на Европейский суд по правам человека, *Лингенс против Австрии* (*Lingens v. Austria*) (жалоба № 9815/82), 8 июля 1986 года, пункт 42; *Дюндин против России* (*Dyundin v. Russia*) (жалоба № 37406/03), 14 октября 2008 года, пункт 26; *Томас против Люксембурга* (*Thoma v. Luxembourg*) (жалоба № 38432/97), 29 марта 2001 года, пункт 47; и *Никула против Финляндии* (*Nikula v. Finland*) (жалоба № 31611/96), 21 марта 2002 года, пункт 48.

сохраняются еще в течение трех лет после уплаты штрафа, а в реестр судимостей будет включена запись о ее осуждении, что ограничит ее шансы на рынке труда.

3.7 Автор приходит к выводу, что национальные суды не привели соответствующих и достаточных причин для ограничения ее права на свободу выражения мнений, которое представляется несоразмерным и поэтому излишним. Поэтому автор утверждает, что государство-участник нарушило ее право, предусмотренное пунктом 2 статьи 19 Пакта.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения⁴

4.1 В вербальной ноте от 8 марта 2016 года государство-участник просило Комитет объявить сообщение неприемлемым в силу отсутствия статуса жертвы, необоснованности и злоупотребления правом на представление сообщений согласно положениям статей 1, 2 и 3 Факультативного протокола к Пакту соответственно.

4.2 Ссылаясь на факты дела, государство-участник утверждает, что возбужденное против автора уголовное разбирательство по обвинению в подготовке террористического акта, в ходе которого автор сделала оспариваемые заявления, вызвало широкий общественный резонанс. Данное автором интервью транслировалось по крупнейшим коммерческим телеканалам того времени. Государство-участник также заявило, что, хотя автор была оправдана по этим обвинениям окончательным решением Верховного суда от 12 января 2016 года, следует отметить, что в решении от 20 февраля 2011 года автор, в дополнение к осуждению, оспариваемому в настоящем сообщении, была осуждена за уголовные деяния, предусмотренные статьями 145 (угроза убийством либо причинением серьезного вреда здоровью или терроризирование человека) и 290 (оскорбление государственного служащего или лица, выполняющего функции публичного администрирования) Уголовного кодекса Литвы. Было установлено, что автор направила несколько текстовых сообщений прокурору Ю. Л., угрожая его физической неприкосновенности. Кроме того, 8 мая 2013 года автор была признана виновной в предоставлении ложной информации в связи с преступлениями, предположительно совершенными против нее несколькими государственными служащими, включая прокурора Ю. Л., в соответствии со статьей 236 Уголовного кодекса.

4.3 Что касается приемлемости жалобы с точки зрения предполагаемого отсутствия статуса жертвы, то государство-участник утверждает, что автор, как представляется, вместо того чтобы оспаривать свое осуждение как несоразмерное, оспаривает в абстрактной форме совместимость соответствующего уголовного положения с Пактом⁵. Поэтому жалобу следует рассматривать как *actio popularis* и отклонить в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола. В этой связи, ссылаясь на устоявшееся прецедентное право национальных судов и Комментарий к Уголовному кодексу Литвы, государство-участник утверждает, что статья 290 охватывает всех лиц, выполняющих государственные функции, включая прокуроров и исключая лишь некоторые группы лиц, пользующихся защитой в соответствии с отдельными статьями Уголовного кодекса⁶. Государство-участник отмечает, что Верховный суд рассмотрел аргумент автора в этой связи и пришел к выводу, что данное положение следует толковать не изолированно, а в свете намерений законодательной власти, правовой системы в целом и, кроме того, судебной практики Европейского суда по правам человека⁷. Кроме того, исключение прокуроров из сферы применения данной статьи

⁴ Государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости сообщения; однако некоторые из его аргументов тесно связаны с существом дела.

⁵ Этим аргументом государство-участник оспаривает, в частности, утверждение автора о том, что закон лишен точности и предсказуемости с точки зрения его персональной сферы действия, которая была слишком широко истолкована национальными судами.

⁶ См., например, статью 232 Уголовного кодекса Литвы, касающуюся неуважения к суду.

⁷ В пункте 54 дела *Лесник против Словакии (Lesnik v. Slovakia)* (жалоба № 35640/97), постановление от 11 марта 2003 года, Европейский суд по правам человека постановил следующее: «Прокуроры являются государственными служащими, задача которых состоит в том, чтобы всячески содействовать надлежащему отправлению правосудия. В этом отношении они являются частью судебного аппарата в широком смысле этого термина. В интересах

оставило бы группу лиц, выполняющих государственные функции, незащищенной от клеветнических заявлений. Соответственно, вмешательство было предусмотрено законом, который является ясным и предсказуемым.

4.4 Касаясь вопроса о том, имело ли вмешательство законную цель, и в частности об аргументах автора в связи с предполагаемой расхождением между преступными деяниями «оскорбление» в соответствии со статьей 155 и «оскорбление государственного служащего» по смыслу статьи 290, государство-участник отмечает, что последнее является самостоятельным преступным деянием, предусмотренным Уголовным кодексом. Одно из различий между вышеупомянутыми преступлениями заключается в том, что в случае «оскорбления» закон направлен на защиту чести и достоинства человека, в то время как в случае «оскорбления государственного служащего или лиц, выполняющих функции публичного администрирования» целью закона является обеспечение защиты конкретной группы лиц в ходе осуществления ими своей конкретной деятельности. Уголовное преследование за это самостоятельное преступное деяние направлено в первую очередь на поддержание общественного порядка, а не на предотвращение причинения личного вреда, что является лишь дополнительной целью упомянутого положения. В решении Верховного суда прямо указано, что цель этой статьи заключается в том, чтобы дать возможность гражданским служащим или лицам, выполняющим функции публичного администрирования, выполнять свои обязанности и чтобы обеспечить их нормальную деятельность. Государство-участник считает, что ограничение свободы выражения мнений на таких основаниях подпадает под категорию допустимых ограничений, продиктованных, в частности, необходимостью защиты общественного порядка, в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Пакта.

4.5 Что касается вопроса о соразмерности, то государство-участник утверждает, что автор не смогла в достаточной степени обосновать свои утверждения, и поэтому ее сообщение следует признать неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола. Государство-участник утверждает, что национальные суды провели тщательный анализ обстоятельств дела, и некоторые части заявления автора были даже исключены из проведенной оценки, поскольку они были расплывчатыми или неоскорбительными и, соответственно, не могли составлять элементы преступления в соответствии со статьей 290 Уголовного кодекса. Кроме того, признавая важность форм выражения мнений, способствующих публичным дебатам, касающимся общественных деятелей в государственном секторе и государственных учреждениях, национальные суды пришли к выводу, что заявления автора не способствовали публичным дебатам и что оскорбленные прокуроры не могут считаться общественными деятелями или политиками. В этой связи Верховный суд отметил, что публичная критика может и должна осуществляться без использования экстремальных, оскорбительных слов, которые не способствуют общественному обсуждению и угрожают нормальному функционированию должностных лиц, их чести и достоинству. В этой связи Верховный суд подчеркнул, что автор была осуждена не за критику прокуроров, а за оскорбительные высказывания в их адрес.

4.6 Кроме того, государство-участник настаивает на том, что суды рассмотрели дело во всей его полноте и должным образом взвесили его отягчающие и смягчающие обстоятельства. Соответственно, суды приняли к сведению тот факт, что интервью, в ходе которого автор выступила с заявлением, широко транслировалось по телевидению, и, следовательно, его посмотрело неограниченное число людей. Суды также сочли, что утверждения автора сообщения были ложными. В решении Верховного суда также говорится, что предполагаемые процессуальные нарушения, серьезность обвинений и наказания и сложность дела не могут служить оправданием для того, чтобы обвиняемое лицо оскорбляло государственных служащих, ответственных за ведение его уголовного дела. Тем не менее национальные суды

общества, чтобы они, как и служащие судов, пользовались общественным доверием. Поэтому может оказаться необходимым, чтобы государство защитило их от необоснованных обвинений».

должным образом приняли во внимание то обстоятельство, что автор находилась под сильным стрессом, когда она сделала порочащее заявление⁸. Кроме того, государство-участник напоминает, что штраф был наиболее мягкой мерой наказания за этот вид преступных деяний и что его сумма (приблизительно 377 евро) также была близка к минимальному размеру, предусмотренному соответствующими положениями закона. Государство-участник также отмечает, что утверждение автора о долгосрочных последствиях ее осуждения является расплывчатым, поскольку она не уточнила, какими профессиями она не сможет заниматься и является ли это только ее убеждением. Кроме того, вопреки утверждению автора сообщению судимость будет снята с нее через три года после вынесения обвинительного приговора.

4.7 В этой связи государство-участник считает, что национальные суды провели тщательный анализ соответствующих факторов, относящихся к данному делу, и добавляет, что Комитету не следует выступать в качестве «суда четвертой инстанции» и пересматривать оценку, данную национальными судами. В свете вышеизложенного государство-участник делает вывод о том, что наказание автора было необходимым в демократическом обществе и соразмерным преследуемым целям. Поэтому государство-участник считает, что жалоба должна быть признана неприемлемой по причине отсутствия достаточных обоснований.

4.8 И наконец, государство-участник утверждает, что автор ввела Комитет в заблуждение путем: а) ложного заявления о том, что национальные суды дали расширенное толкование закона, что послужило основанием для установления ее уголовной ответственности; б) заявления о том, что целью закона является защита чести и достоинства прокуроров, что, однако, не соответствует допустимым основаниям для ограничения свободы выражения мнений; и с) ссылкой на дела Европейского суда по правам человека, которые не имеют отношения к ее делу в силу различий между фактическими и юридическими обстоятельствами. Поэтому государство-участник считает, что жалобу следует признать неприемлемой по причине злоупотребления правом на представление сообщений в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола.

4.9 В последующей вербальной ноте от 7 июля 2016 года государство-участник подтвердило свою позицию, согласно которой Комитет должен признать сообщение неприемлемым в соответствии со статьями 1, 2 и 3 Факультативного протокола. Государство-участник также заявило, что если Комитет будет рассматривать жалобу по существу, то ему необходимо будет рассмотреть замечания государства-участника от 8 марта 2016 года в отношении приемлемости и существования утверждений автора и установить, что по изложенным в них причинам нарушения пункта 2 статьи 19 Пакта допущено не было.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно приемлемости сообщения

5.1 В письме от 10 августа 2016 года автор ответила на замечания государства-участника. Что касается аргументов государства-участника в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола, то автор отмечает, что ее осуждение в уголовном порядке на основании ее заявлений, содержащих критику прокуроров, несомненно, затрагивает ее права по статье 19 Пакта. Она настаивает на том, что она не желает оспаривать закон *абстрактно*, а скорее оспаривает то, как он был применен ей во вред в данном деле. Таким образом, она утверждает, что имеет статус жертвы для целей разбирательства в Комитете.

5.2 Касаясь аргумента государства-участника о том, что сообщение автора является необоснованным, поскольку ее дело было тщательно рассмотрено национальными

⁸ Государство-участник также отмечает, что национальные суды должным образом учли состояние стресса, в котором находилась автор, несмотря на тот факт, что ходатайство прокурора о заключении автора под стражу в конечном итоге было отклонено Апелляционным судом Литвы, что также свидетельствует о том, что принятие решения о необходимости содержания под стражей является прерогативой не прокуратуры, а судов. Соответственно, опасения автора, на которые она ссылается в свою защиту, не были вполне обоснованными.

судами, автор утверждает, что сам факт рассмотрения ее дела тремя судебными инстанциями подтверждает ее утверждение о том, что она исчерпала внутренние средства правовой защиты. Рассмотрение ее жалобы национальными судами не может использоваться государством-участником в качестве довода в пользу неприемлемости. Что касается аргументов государства-участника относительно соразмерности вмешательства, то она утверждает, что эти аргументы игнорируют тот факт, что ее основная жалоба в Комитет касается не строгости наложенной на нее санкции, а просто того факта, что она была подвергнута уголовному преследованию за публичное критическое заявление.

5.3 И наконец, автор отмечает, что только потому, что ее аргументы и толкование закона отличаются от позиции государства-участника, они должны рассматриваться государством-участником не как попытка ввести Комитет в заблуждение, а скорее, как неотъемлемая часть процесса урегулирования спора в беспристрастном суде. Это нельзя рассматривать как злоупотребление правом на представление сообщений.

5.4 18 апреля 2017 года автор вновь подтвердила свою позицию, согласно которой ее осуждение в уголовном порядке за словесное оскорбление стороны обвинения представляет собой вмешательство в ее право на свободу выражения мнений в соответствии с пунктом 2 статьи 19 Пакта, которое не отвечает требованиям пункта 3 статьи 19 и которое поэтому нельзя оправдать. Она далее проинформировала Комитет о том, что как уголовно наказуемое деяние «оскорбление» в соответствии со статьей 155, так и уголовно наказуемое деяние «оскорбление государственного служащего или лица, выполняющего функции публичного администрирования» по смыслу статьи 290 в Литве были декриминализованы, что также свидетельствует об отсутствии необходимости в уголовном судопроизводстве, в результате которого она была осуждена в соответствующее время, и о его несоразмерности.

Дополнительные замечания государства-участника

6.1 В вербальной ноте от 19 мая 2017 года государство-участник подтвердило свою позицию, согласно которой Комитет должен признать сообщение неприемлемым в силу отсутствия статуса жертвы, необоснованности и злоупотребления правом на представление сообщений. Что касается декриминализации преступного в то время поведения автора и других деяний, то государство-участник утверждает, что и в Уголовном кодексе, и в Кодексе об административных правонарушениях содержатся положения, касающиеся акта оскорбления лиц, выполняющих государственные функции. В целях гармонизации этих положений, а также для удовлетворения требований принципа *ne bis in idem* законодательная власть решила отменить оба положения и ввести единое, унифицированное положение, предусмотренное статьей 507 Кодекса об административных правонарушениях.

6.2 В заключение государство-участник напоминает, что дело автора не касается взаимосвязи между свободой слова и средствами массовой информации, а также вновь заявляет, что заявления автора не должны рассматриваться как информация или идеи, касающиеся общественных или политических вопросов, и что прокуроры по ее делу не являлись видными общественными и политическими деятелями. Поэтому решения Европейского суда по правам человека, которые касаются аналогичных вопросов и на которые автор ссылается для того, чтобы доказать, что ее заявления должны пользоваться большей защитой в рамках права на свободу выражения мнений, не имеют отношения к рассмотрению настоящей жалобы.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет должен в соответствии с правилом 97 своих правил процедуры принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом.

7.2 Комитет отмечает, что автор подала аналогичный иск в Европейский суд по правам человека, который 31 октября 2012 года признал его неприемлемым. Он напоминает, что понятие «этот же вопрос» по смыслу пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола следует понимать как включающее одну и ту же жалобу в отношении одного и того же лица, представленную в другой международный орган, тогда как содержащийся в этом пункте запрет относится к тому же вопросу, находящемуся в стадии параллельного рассмотрения. Даже если настоящее сообщение было представлено этим же лицом в Европейский суд по правам человека, этот орган уже вынес решение по нему. Кроме того, Комитет отмечает, что государство-участник не сделало оговорки к пункту 2 а) статьи 5 с целью воспрепятствовать рассмотрению Комитетом сообщений, которые ранее рассматривались другим органом. Соответственно, он удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в рамках другой процедуры международного разбирательства или урегулирования для целей пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола.

7.3 Комитет также отмечает, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны в соответствии с требованиями пункта 2 б) статьи 5 Факультативного протокола.

7.4 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым на основании злоупотребления правом на представление сообщений, и его заявление о том, что автор намеренно представил вводящую в заблуждение информацию о расширенном толковании закона национальными судами и о незаконных целях закона. Кроме того, согласно государству-участнику, автор сообщения сделал выборочные ссылки на прецедентное право Европейского суда по правам человека. Автор утверждает, что ее аргументы и толкование закона не следует рассматривать как попытку ввести Комитет в заблуждение, а скорее как неотъемлемую часть процесса урегулирования спора в беспристрастном суде. Комитет считает, что представленная автором информация отражает различия в толковании сферы применения закона и не может рассматриваться как злоупотребление правом на представление сообщений.

7.5 Принимая во внимание аргумент государства-участника о том, что автор не может доказать, что она является «жертвой» по смыслу статьи 1 Факультативного протокола, Комитет напоминает, что ни одно лицо не может утверждать, что оно является жертвой по смыслу статьи 1 Факультативного протокола, пока его или ее права не были действительно нарушены, и что ни одно лицо не может оспаривать какой-либо закон или практику, которые оно считает противоречащими Пакту, абстрактно, путем *actio popularis*. Вместе с тем Комитет считает, что аргументы автора в отношении точности и предсказуемости закона не следует рассматривать как ее абстрактное оспаривание закона, а скорее как оспаривание того, каким образом это законодательство было применено к автору в данном деле, в частности то, было ли предполагаемое вмешательство предусмотрено законом. Поэтому Комитет считает, что автор сообщения продемонстрировала достаточную процессуальную правоспособность, поскольку она достаточно обосновала для целей приемлемости свои утверждения в связи со статьей 19 Пакта.

7.6 Что касается утверждений государства-участника о том, что жалоба не была в достаточной степени обоснована, то Комитет считает, что они тесно связаны с существом дела и поэтому должны быть проанализированы в контексте рассмотрения дела по существу. Соответственно, Комитет объявляет сообщение приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.2 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что ее осуждение в уголовном порядке за публичную критику действий прокуроров, осуществлявших ее уголовное преследование, представляет собой неоправданное ограничение ее права на

свободу выражения мнений, закрепленное в пункте 2 статьи 19 Пакта. Комитет считает, что осуждение автора действительно представляло собой вмешательство в ее право на свободу выражения мнений, и поэтому должен рассмотреть вопрос о том, является ли ограничение прав автора в данном случае оправданным в соответствии с любым из критериев, изложенных в пункте 3 статьи 19 Пакта.

8.3 Комитет напоминает, что пункт 3 статьи 19 Пакта допускает определенные ограничения только в тех случаях, когда это предусмотрено законом и необходимо для уважения прав и репутации других лиц или для охраны государственной безопасности или общественного порядка (*ordre public*), здоровья или нравственности населения. Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 34, в котором он заявил, что эти свободы являются необходимыми условиями для всестороннего развития личности и имеют важнейшее значение для любого общества. Они являются основополагающими элементами любого свободного и демократического общества. Любое ограничение в отношении осуществления этих свобод должно соответствовать строгим критериям необходимости и соразмерности. Ограничения должны применяться только для тех целей, для которых они были предписаны, и должны быть непосредственно связаны с конкретной потребностью, для удовлетворения которой они были предназначены. Комитет напоминает, что именно государство-участник должно продемонстрировать, что ограничения прав автора по статье 19 являются необходимыми и соразмерными⁹.

8.4 Касаясь вопроса о том, было ли вмешательство предусмотрено законом, Комитет отмечает, что стороны расходятся во мнениях относительно толкования внутреннего законодательства, в частности относительно того, распространяется ли статья 290 Уголовного кодекса на прокуроров как государственных служащих, подлежащих защите от оскорблений. В этой связи Комитет принимает к сведению доводы государства-участника о том, что вмешательство имело место в соответствии со статьей 290 Уголовного кодекса, действовавшей на тот момент, и что оно было истолковано в соответствии с Комментарием к Уголовному кодексу Литвы¹⁰. Комитет также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что Верховный суд Литвы тщательно рассмотрел этот вопрос и установил, что толкование автором закона оставит прокуроров без защиты, и что это будет противоречить практике национальных судов и Европейского суда по правам человека¹¹, а также намерениям законодательной власти.

8.5 Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой следует придавать весомое значение проведенной государством-участником оценки и считается, что, как правило, именно органы государств – участников Пакта должны пересматривать и оценивать факты и доказательства для определения наличия такой опасности, если только не будет установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равносильна очевидной ошибке или отказу в правосудии¹². В данном случае нельзя утверждать, что оценка Верховного суда была произвольной или равносильной отказу в правосудии, поскольку рассматриваемое вмешательство имело правовую основу и применение указанной правовой нормы к делу заявителя не выходило за рамки того, что можно было разумно предвидеть в данных обстоятельствах. В этой связи Комитет считает, что вмешательство было предусмотрено законом по смыслу пункта 3 статьи 19 Пакта. Что касается аргументов автора, касающихся уголовного характера закона о диффамации и того, что предоставление государственным должностным лицам большей защиты от диффамации по сравнению с другими лицами следует считать дискриминационным, то, по существу, они связаны с вопросом о том, было ли вмешательство в связи с применением соответствующего закона в данном деле необходимым и соразмерным.

⁹ См., например, *Судаленко и Поплавный против Беларуси* (CCPR/C/122/D/2190/2012), пункт 8.3.

¹⁰ Согласно Комментарию, это положение распространяется на всех лиц, выполняющих государственные функции, за исключением только определенных групп лиц, которые пользуются защитой в соответствии с отдельными статьями Уголовного кодекса.

¹¹ Европейский суд по правам человека, *Лесник против Словакии*.

¹² См. *Ц. Х. против Австралии* (CCPR/C/107/D/1957/2010), пункт 9.3.

8.6 Что касается вопроса о том, преследовало ли рассматриваемое вмешательство законную цель, то автор утверждает, что государство-участник не объяснило, ссылаясь на конкретные основания, каким образом ее заявление поставило бы под угрозу деятельность прокуроров с учетом одной из законных целей, изложенных в пункте 3 статьи 19 Пакта. Комитет также принимает к сведению ее довод о том, что статья 290 не может быть направлена на защиту чести и достоинства других лиц, поскольку эту цель преследует статья 155 Уголовного кодекса, в которой предусмотрено отдельное деяние в виде «оскорбления». Государство-участник оспаривает эти утверждения. Оно утверждает, что это положение направлено на то, чтобы позволить гражданским служащим выполнять свои обязанности, хотя защита их чести и достоинства может также служить вспомогательной цели с точки зрения допустимых ограничений.

8.7 Комитет отмечает, что в интересах надлежащего отправления правосудия ранее было признано, что ограничения права на свободу выражения мнений преследуют законные цели, в ряде случаев, когда оспаривались приговоры по уголовным делам, касавшимся неуважения к суду¹³. Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 34, в пункте 47 которого Комитет заявляет следующее:

«Необходимо тщательно подходить к разработке законов, касающихся клеветы, обеспечивать их соответствие положениям пункта 3 [статьи 19], а также не допускать, чтобы они на практике использовались для ограничения права на свободное выражение мнений. Во все такие законы, в частности уголовные законы, касающиеся клеветы, следует включить такие формы защиты, которые отвечают интересам правдивости, и они не должны применяться по отношению к таким формам выражения мнений, которые по своей природе не могут быть проверены. По крайней мере, в отношении комментариев, затрагивающих интересы общественных деятелей, следует стремиться не допускать установления наказаний за высказывания, которые стали достоянием общественности по ошибке и без злого умысла, или их перевода в разряд незаконных. В любом случае наличие общественного интереса к объекту критики следует рассматривать в качестве элемента защиты. Государствам-участникам следует принимать меры во избежание чрезмерных мер наказания и штрафов».

В то же время Комитет признает, что прокуроры не приравниваются к общественным деятелям и, как и сотрудники судебных органов, нуждаются в определенной степени доверия со стороны общественности для эффективного выполнения своих функций. Комитет принимает во внимание аргумент государства-участника о том, что статья 290 Уголовного кодекса Литвы направлена на обеспечение защиты прокуроров при выполнении ими своих конкретных функций, что способствует поддержанию общественного доверия к отпращиванию правосудия в целом. В свете этих соображений Комитет убежден в том, что статья 290 может быть оправдана как содействующая достижению законной цели охраны общественного порядка.

8.8 Что касается соразмерности этой меры, то Комитет принимает к сведению тот факт, что автор оспаривает уголовный характер закона о диффамации на том основании, что, предоставляя более высокую защиту от диффамации государственным должностным лицам по сравнению с другими лицами, он является дискриминационным. Комитет также отмечает ее утверждение о том, что пределы допустимой критики должны быть шире, когда то или иное заявление касается действий лица в его/ее публичном качестве, и что право на свободу выражения мнений также обеспечивает защиту в связи с замечаниями, которые в определенной степени преувеличены или провокационны. Кроме того, Комитет также принимает к сведению заявление автора о том, что в момент произнесения ею критических слов она находилась под сильным стрессом. Кроме того, Комитет принимает к сведению предполагаемый ущерб, нанесенный автору сообщения негативными последствиями ее уголовного наказания.

¹³ См., например, *Фернандо против Шри-Ланки* (CCPR/C/83/D/1189/2003).

8.9 С другой стороны, Комитет отмечает аргументы государства-участника о том, что национальные суды тщательно проанализировали обстоятельства этого дела и пришли к выводу, что необходимость охраны общественного порядка, а именно защиты деятельности прокуроров, способствующей надлежащему отправлению правосудия, а также необходимость защиты их прав и репутации оказываются более весомыми соображениями по сравнению с интересами автора в данном деле. Комитет далее отмечает аргумент государства-участника о том, что в ходе оценки национальные власти приняли во внимание, что заявления автора сообщения транслировались по телевидению и могли быть услышаны неограниченным числом людей, в результате чего был усугублен вред, причиненный правам и ценностям, защищаемым целью оспариваемого законодательства. Власти также должным образом сочли, что автор не смогла доказать правдивость своих заявлений. Комитет далее принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что, как следует из решения Верховного суда, автор была осуждена не за критику прокуроров как таковую, а за оскорбительные высказывания. И наконец, Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что, несмотря на то, что заявление автора повлекло за собой уголовную ответственность согласно действовавшему в то время соответствующему законодательству Литвы, наказание по своему характеру не было уголовным, назначенный штраф был приблизительно равен минимальной сумме, а судимость будет снята через три года.

8.10 Оценивая необходимость и соразмерность вмешательства в данном деле, Комитет тщательно рассмотрел аргументы, выдвинутые обеими сторонами. Комитет принимает во внимание доводы Верховного суда о том, что автор была осуждена не за критику прокуроров как таковую, а за оскорбительные высказывания в их адрес. Вместе с тем Комитет отмечает, что некоторые части заявления автора были даже исключены из оценки национальных судов потому, что они были расплывчатыми или неоскорбительными, что был приведен лишь сокращенный вариант того, что сказала автор, и что не было сообщено никакого контекста, в результате чего все заявление было двусмысленным. Кроме того, Комитет не убежден в том, что должное внимание было уделено тому обстоятельству, что заявления были сделаны в контексте уголовного судопроизводства, в ходе которого рассматривались серьезные уголовные обвинения против автора, и что они явились спонтанной реакцией на то, что автор должна была быть помещена под стражу до суда. Это дело привлекло широкое общественное внимание и, возможно, имело политические аспекты, и поэтому порог для критики, способствующей общественным дебатам, можно обоснованно считать более высоким. Комитет также отмечает, что, хотя автор сообщения была приговорена лишь к уплате штрафа и что ее судимость будет снята, она, тем не менее, была подвергнута уголовному преследованию за заявления, сделанные в связи с ее собственным уголовным делом. Кроме того, наложение штрафа могло стать для автора чрезмерным бременем, учитывая ее молодость и отсутствие у нее работы в то время. При проведении своей оценки Комитет ссылается далее на свое замечание общего порядка № 34, в пункте 47 которого он указывает следующее: «Государствам-участникам следует рассмотреть возможность исключения клеветы из разряда преступлений, но в любом случае уголовное законодательство должно применяться лишь в связи с наиболее серьезными случаями, а лишение свободы ни при каких условиях не должно считаться адекватной мерой наказания». В этой связи Комитет отмечает, что статья 290 Уголовного кодекса Литвы была с 1 января 2017 года отменена и что статья 507 нового Кодекса об административных правонарушениях, применяемая к делам, аналогичным делу автора, предусматривает лишь административные санкции вместо уголовной ответственности. В свете этих соображений Комитет считает, что данное конкретное дело не может рассматриваться в качестве одного из «наиболее серьезных случаев», и приходит к выводу, что ограничения прав автора были несоразмерными и поэтому не были оправданными согласно условиям, изложенным в пункте 3 статьи 19 Пакта.

9. В свете вышеизложенных соображений Комитет считает, что государство-участник не смогло обосновать ограничение, наложенное на автора, и делает вывод о нарушении прав автора в соответствии с пунктом 2 статьи 19 Пакта.

10. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, приходит к мнению о том, что факты, которыми он располагает, свидетельствуют о нарушении государством-участником пункта 2 статьи 19 Пакта.

11. Согласно пункту 3 а) статьи 2 Пакта, государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты. В частности, оно должно предоставить полное возмещение лицам, чьи права, гарантируемые Пактом, были нарушены. Соответственно, государство-участник обязано, в частности, принять надлежащие меры для предоставления автору сообщения адекватной компенсации и возмещения любых понесенных ею судебных издержек. Государство-участник также обязано принять все необходимые меры для недопущения подобных нарушений в будущем.

12. С учетом того, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права, а также эффективные средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о принятых мерах по осуществлению Соображений Комитета. Государству-участнику предлагается также опубликовать настоящие соображения на своих официальных языках и обеспечить их широкое распространение.

Приложение

Особое мнение (несогласное) членов Комитета Жозе Мануэла Сантуша Паиса и Яда Бен Ашура

1. Мы сожалеем, что не смогли присоединиться к другим членам Комитета и установить факт нарушения прав автора в соответствии с пунктом 2 статьи 19 Пакта.

2. В данном случае мы имеем дело с оскорблением судебного должностного лица, в частности прокурора. Мы имеем дело не с общественным или политическим деятелем, а с судебным должностным лицом, участвующем в судебном разбирательстве. Во многих странах это дело рассматривалось бы как неуважение к суду или неуважение к судебному должностному лицу при выполнении им своих функций. Таким образом, вывод о нарушении пункта 2 статьи 19 Пакта в данном случае может, к сожалению, привести к неправомерному толкованию, особенно в то время, когда во многих странах судебные органы подвергаются серьезной критике или страдают от неоправданного вмешательства. Вместо того чтобы содействовать сохранению автономии и независимости суда, а именно обеспечению должного уважения к судьям и прокурорам и поддержанию верховенства права, Комитет, как представляется, в настоящих Соображениях прокладывает путь в ином направлении.

3. Во многих судебных системах прокурор рассматривается, наряду с судьями, как член судебной власти, действующий от имени общества и в общественных интересах.

4. Согласно совместным заключениям № 12 (2009) Консультативного совета европейских судей и № 4 (2009) Консультативного совета европейских прокуроров («Бордоская декларация»):

«3. Надлежащее выполнение различных, но взаимодополняющих функций судей и прокуроров является необходимой гарантией справедливого, беспристрастного и эффективного отправления правосудия. Судьи и прокуроры должны пользоваться независимостью в выполнении своих функций, а также быть и выглядеть независимыми друг от друга.

...

6. Правоприменение и, в соответствующих случаях, дискреционные полномочия прокуратуры на досудебной стадии требуют, чтобы статус прокуроров гарантировался законом на как можно более высоком уровне, аналогично статусу судей. Они должны быть независимыми и автономными в принятии решений и выполнять свои функции справедливо, объективно и беспристрастно».

5. В пояснительной записке к Бордоской декларации далее говорится:

«10. Независимость органов прокуратуры является неизбежным следствием независимости судебной власти. Роль прокурора в защите и отстаивании прав человека подозреваемых, обвиняемых и потерпевших лучше всего может выполняться в тех случаях, когда прокурор независим в принятии решений от исполнительной и законодательной власти и когда правильно соблюдается особая роль судей и прокуроров. В условиях демократии, основанной на верховенстве права, основой политики уголовного преследования является право (Декларация, пункт 3).

...

27. Независимость прокуроров является неперемнным условием выполнения ими своей миссии. Она укрепляет их роль в правовом государстве и обществе, а также является гарантией того, что система правосудия будет действовать справедливо и эффективно и что будут реализованы все преимущества независимости судебной системы (Декларация, пункты 3 и 8). Таким образом, подобно независимости судей, независимость прокуроров является не прерогативой или привилегией, предоставляемой в интересах

прокуроров, а гарантией в интересах справедливого, беспристрастного и эффективного отправления правосудия, обеспечивающей защиту как государственных, так и частных интересов соответствующих лиц.

...

34. Независимость судьи и прокурора неотделима от принципа верховенства права. Судьи и прокуроры действуют в общих интересах, во имя общества и его граждан, которые желают, чтобы их права и свободы гарантировались во всех их аспектах. Они действуют в тех областях, где наиболее чувствительные права человека (личная свобода, неприкосновенность частной жизни, защита имущества и т. д.) заслуживают наибольшей защиты».

6. В заключении № 9 (2014) Консультативного совета европейских прокуроров («Римская хартия») о европейских нормах и принципах, касающихся прокуроров, говорится следующее:

«V. Прокуроры должны быть независимыми в принятии решений и выполнять свои обязанности без внешнего давления или вмешательства с учетом принципов разделения властей и подотчетности».

В пояснительной записке к Римской хартии отмечается следующее:

«36. Государства должны обеспечивать, чтобы лица, осуществляющие судебное преследование, могли выполнять свои обязанности в обстановке, свободной от угроз, препятствий, запугивания, ненужного вмешательства или неоправданного привлечения к гражданской, уголовной или иной ответственности»¹.

7. В заключении № 13 (2018) Консультативного совета европейских прокуроров о независимости, подотчетности и этике прокуроров также говорится следующее в связи с концепцией независимости прокуроров:

«15. "Независимость" означает, что прокуроры свободны от незаконного вмешательства в выполнение своих обязанностей по обеспечению полного уважения и применения закона и принципа верховенства права и не подвергаются какому-либо политическому давлению или незаконному влиянию в какой бы то ни было форме».

8. В данном случае Комитет счел, что осуждение автора сообщения представляет собой вмешательство в ее право на свободу выражения мнений (пункт 8.2), однако постановил, что такое вмешательство предусмотрено законом по смыслу пункта 3 статьи 19 Пакта (пункты 8.4 и 8.5). Комитет далее согласился с тем, что статья 290 Уголовного кодекса Литвы направлена на обеспечение защиты прокуроров при выполнении ими своих конкретных функций, способствуя тем самым поддержанию доверия общественности к отпращиванию правосудия в целом. Поэтому данное положение может быть оправдано как содействующее достижению законной цели защиты общественного порядка (пункт 8.7), которая включает в себя уважение к судьям и прокурорам.

¹ См. также Committee of Experts on the Role of Public Prosecution in the Criminal Justice System, «The role of public prosecution in the criminal justice system», Recommendation Rec(2000)19 of the Committee of Ministers of the Council of Europe, para. 11; Conference of Prosecutors General of Europe, «European guidelines on ethics and conduct for public prosecutors: the Budapest Guidelines» (2005), guidelines I and II; Организация Объединенных Наций, «Руководящие принципы, касающиеся роли лиц, осуществляющих судебное преследование» (1990), пункт 4; International Association of Prosecutors, «Standards of professional responsibility and statement of the essential duties and rights of prosecutors» (1999), para. 6; и United Nations Office on Drugs and Crime, «The status and role of prosecutors: a United Nations Office on Drugs and Crime and International Association of Prosecutors Guide», *Criminal Justice Handbook Series* (New York, 2014).

9. Однако Комитет пришел к выводу, что ограничения прав автора являются несоразмерными и поэтому не могут быть оправданы в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Пакта. Мы считаем, что этот вывод труден для понимания и неточно отражает факты в данном деле.

10. Как признает Комитет (пункт 8.10), Верховный суд Литвы постановил, что автор была осуждена не за критику прокуроров как таковую, а за оскорбительные высказывания в их адрес. Однако Комитет представляет эту аргументацию не совсем верно. На самом деле государство-участник утверждает, что национальные суды провели тщательный анализ обстоятельств дела и что некоторые части заявления автора были даже исключены из проведенной оценки, поскольку они были расплывчатыми или неоскорбительными и, соответственно, не могли составлять элементы преступления в соответствии со статьей 290 Уголовного кодекса (пункт 4.5). Кроме того, признавая важность форм выражения мнений, способствующих публичным дебатам, касающимся общественных деятелей в государственном секторе и государственных учреждениях, национальные суды пришли к выводу, что заявления автора не способствовали публичным дебатам и что оскорбленные прокуроры не могут считаться общественными деятелями или политиками (см. также пункт 6.2). В этой связи Верховный суд отметил, что публичная критика может и должна осуществляться без использования экстремальных, оскорбительных слов, которые не способствуют общественному обсуждению и угрожают нормальному функционированию должностных лиц, их чести и достоинству. В этой связи Верховный суд подчеркнул, что автор была осуждена не за критику прокуроров, а за оскорбительные высказывания в их адрес. Мы согласны с этим заключением национальных судов Литвы.

11. Комитет также счел, что был приведен лишь сокращенный вариант того, что сказала автор, и что не было сообщено никакого контекста, в результате чего все заявление было двусмысленным (пункт 8.10). Мы оспариваем этот вывод.

12. «Сокращенный» вариант был представлен самим автором, и она даже приводит контекст, в котором было сделано ее заявление (пункт 2.1): в Литве против нее было возбуждено три уголовных дела по обвинению в терроризме, что является тяжким преступлением². В ходе судебного слушания по одному из этих дел 24 марта 2011 года прокурор обратился в суд с ходатайством о вынесении решения о предварительном заключении автора сообщения³. Во время перерыва в судебном заседании автор дала интервью одному телевизионному репортеру и сделала заявление, в котором она предположила, что прокурор совершает преступления, может убивать людей и является преступником.

13. Заявление автора, вопреки заключению Комитета, вряд ли можно рассматривать как лишь спонтанную реакцию. Она уже проходила по трем уголовным делам по обвинениям в терроризме; государство-участник утверждает (пункты 4.2 и 4.6), что интервью, в ходе которого автор сделала свое заявление, широко транслировалось по крупнейшим коммерческим телеканалам того времени, что позволило охватить неограниченное число людей, и что утверждения автора были ложными. Предполагаемые процессуальные нарушения, серьезность обвинений и наказания и сложность дела не могут служить оправданием для того, чтобы обвиняемое лицо оскорбляло государственных служащих, ответственных за ведение его уголовного дела. Тем не менее национальные суды должным образом приняли во внимание то обстоятельство, что автор находилась под сильным стрессом, когда она сделала порочащее заявление.

² Она была предположительно завербована российскими гражданами для совершения террористического акта на военной базе в Москве.

³ Ходатайство прокурора о заключении автора под стражу было позднее отклонено Апелляционным судом Литвы. Соответственно, опасения автора не были вполне обоснованными (см. сноску 9).

14. С другой стороны, автор не впервые совершила преступление⁴, поскольку она была осуждена за преступные деяния, предусмотренные статьями 145 (угроза убийством или причинение серьезного вреда здоровью человека или терроризирование какого-либо лица) и 290 (оскорбление государственного служащего или лица, выполняющего функции публичного администрирования) Уголовного кодекса Литвы. Было установлено, что автор направила прокурору несколько текстовых сообщений, угрожающих его физической неприкосновенности. Кроме того, 8 мая 2013 года автор была признана виновной в предоставлении ложной информации в связи с преступлениями, предположительно совершенными против нее несколькими государственными служащими (пункт 4.2). Поэтому заявление автора по данному делу следует рассматривать как препятствующее добросовестному и беспристрастному осуществлению прокурором своих функций в особо деликатном и серьезном уголовном деле, имеющем широкий общественный резонанс⁵.

15. Комитет также уделяет большое внимание тому факту, что в отношении автора сообщения было применено уголовное наказание в виде штрафа, который явился «для автора чрезмерным бременем, учитывая ее молодость и отсутствие у нее работы в то время» (пункт 8.10). Однако в настоящих Соображениях не содержится никаких ссылок на ситуацию безработицы, в которой находилась автор. Кроме того, поскольку мы имеем дело с применением статьи 290 Уголовного кодекса Литвы, то вполне естественно, что налагаемая санкция должна носить уголовно-правовой характер. Однако наложенный штраф (1 300 литов, или приблизительно 380 евро), по мнению государства-участника, является наиболее мягкой мерой наказания за данный вид преступного деяния, а также близким к минимальному размеру, предусмотренному соответствующими положениями закона (пункт 4.6). В других странах такая же санкция могла бы быть применена за простое административное правонарушение. Вызывает тревогу тот аргумент, что уголовное наказание, такое как штраф, следует рассматривать как «чрезмерное бремя» и что штраф не должен налагаться, если соответствующее лицо не в состоянии его оплатить. А как насчет сдерживающего воздействия уголовных санкций? Этот аргумент является особенно неуместным, поскольку пункт 6 статьи 47 Уголовного кодекса Литвы предусматривает, что штраф может быть заменен общественными работами, если лицо не в состоянии его оплатить. Кроме того, что другого от властей следует ожидать, как не обеспечения соблюдения соответствующего положения Уголовного кодекса? Должен был ли сам прокурор возбуждать гражданский иск против автора? Мы так не думаем.

16. Мы также не считаем аргументом последующую отмену статьи 290 Уголовного кодекса. Государство-участник пояснило, почему были внесены соответствующие изменения (пункт 6.1). Как в Уголовном кодексе, так и в Кодексе об административных правонарушениях содержались положения, касающиеся оскорбления лиц, выполняющих государственные функции. В целях гармонизации этих положений и выполнения требований принципа *ne bis in idem* законодательная власть решила отменить оба положения и предусмотреть единое унифицированное положение в статье 507 Кодекса об административных правонарушениях. Однако факт остается фактом: в то время действовала статья 290 Уголовного кодекса и поэтому прокуратурой должна была обеспечить ее исполнение, поскольку существующая в Литве система следует принципу законности и все зарегистрированные преступления подлежат расследованию.

17. Поэтому в данном случае мы бы пришли к выводу, что жалоба автора является недостаточно обоснованной, или, если бы она была сочтена приемлемой, заключили бы, что пункт 2 статьи 19 Пакта не был нарушен.

⁴ Сама автор признает, что она содержалась ранее под стражей (пункт 3.5).

⁵ В Литве государственное обвинение действует на основе принципа законности: любое зарегистрированное уголовное преступление подлежит расследованию, и поэтому прокуратура должна была предъявить автору обвинения по статье 290 Уголовного кодекса Литвы.

18. В этой связи решение о неприемлемости, принятое Комитетом на той же сессии (*Х против Австралии*, сообщение № 3580/2019), является весьма поучительным. В том деле Комитет пришел к выводу, несмотря на гораздо менее оскорбительные выражения, чем в данном случае, что информация свидетельствует о том, что принятые государством-участником меры основаны на законе и направлены на защиту целостности судебной системы как одного из элементов общественного порядка и что санкции, назначенные автору сообщения⁶, соразмерны служебному проступку, в котором он был признан виновным.

⁶ Поскольку автор был адвокатом, он получил взыскание за служебный проступок и ему было дано указание за свой счет пройти курс по адвокатской этике, а также уплатить штрафы.